

Раздел II. ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК [316.7+130.2](470+571)

Для цитирования:

Ручин В.А. Региональное развитие в постсекулярную эпоху: духовно-нравственный аспект // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2023. № 2 (21). С. 71–86.

DOI: 10.56621/27825884_2023_21_71

Ручин Владимир Алексеевич,

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии культуры и культурологии

Саратовского национального исследовательского

государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,

Российская Федерация, 410028, г. Саратов,

ул. Вольская, 10 А

r-vl@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2638-3057

Региональное развитие в постсекулярную эпоху: духовно-нравственный аспект

В.А. РУЧИН

Аннотация: В статье рассматривается процесс социализации в рамках локальных сообществ. Делается попытка выявить и минимизировать основные риски модели социализации. Для нашей страны механизм культурного сбоя начала XX века сегодня, в постсекулярную эпоху, по-прежнему вызывает болезненные симптомы выздоровления общественного сознания, а потому анамнез возникающих мировоззренческих расстройств имеет экзистенциальное значение. Это особенно важно в условиях, при которых прозападная религиозность небывало широкого спектра превращается в мощную силу и политический инструмент, деформирующий ценностные установки подрастающего поколения. Исследование осуществлено с учетом этнорелигиозной мозаичности и нацелено на анализ фактора социальной сплоченности как условия регионального развития. Автор посредством философского и социологического анализа приходит к выводу об особом значении духовно-нравственной сферы для развития российского общества.

Ключевые слова: постсекулярный мир, социализация, ценностная интервенция, духовная культура.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-70023 «Религиозная социализация в постсекулярном мире: дискурсивные практики и социокультурные риски».

В глобальном мире на фоне сохраняющейся социальной неопределенности религиозный контекст становится одним из ведущих для понимания господствующих смыслов общественного сознания и раскрытия специфики изменения политических тенденций — например, движения от модерна к постмодерну, от секулярного к постсекулярному. Религия как основа духовной жизни наряду с другими формами культуры приобретает всё новые оттенки содержания, и в целом мы наблюдаем возрастание роли духовно-нравственного аспекта социальной жизни. Этот аспект особенно заметен там, где реализуются стратегически важные для нашей страны направления, а также в стратегически важных регионах — например, восточных. Регионы Дальнего Востока, нацеленные на активное развитие, начинают страдать от таких проблем, как отток населения. Это происходит на фоне глобальных изменений, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Граждане России становятся свидетелями одного из важнейших «периодов мировой истории, основным содержанием которого стало начало перемещения драйвера не только экономического, но и вообще мирового развития с Запада на Восток»¹.

Как было отмечено В.В. Путиным, в Дальневосточном регионе для сохранения и развития человеческих ресурсов, сплочения регионального сообщества «делается много, но пока все-таки недостаточно, если мы до сих пор наблюдаем отток населения»². Статистика подтверждает экономические достижения наших восточных регионов, однако научные центры — такие, как Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН — регистрируют социальные проблемы, разрешение которых требует, с одной стороны, усилий экспертного сообщества из смежных областей знаний³,

¹ Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихоокеанская Россия между двумя глобальными кризисами. Владивосток, 2022. С. 7.

² Путин В.В. Совещание по вопросам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 23.02.2023). Загл. с экрана.

³ См.: Ларин В.Л. Востоковедение в институте истории: конструирование своего пути // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2021. Т. 30. № 1. С. 60.

а с другой — четких и продуманных решений местной власти. Среди набора проблем выделим основную — проблему сплоченности регионального социума. Предлагаем проанализировать ее с позиций так называемого процесса социализации молодого поколения и становления молодого человека как отдельной личности.

При углубленном погружении в социально-экономические вопросы обращает на себя внимание одно обстоятельство, связанное с принятием управленческих решений на региональном уровне. Эти решения, как правило, опираются на прагматический подход, в методологическом арсенале управленцев приоритет отдается внешним сторонам повседневных практик, комплексная же стратегия и ее важнейший элемент — духовная сторона общественной жизни — остается в тени. По существу, приглушается роль Церкви в жизнедеятельности и региона, и обычного человека. Но именно Церковь улавливает психологическое состояние людей. На этом основании можно сделать вывод, что по каким-то причинам сказанное не укладывается в сознание или отодвигается на задний план.

Мы знаем, что управленческая деятельность постоянно усложняется изменчивостью обстоятельств. Такая изменчивость, особенно для приграничных регионов, предстает в виде сверхдинамики трендов социально-экономического развития, их хаотического пересечения, особенно в радиусе ближайшего цивилизационного окружения. И в этом состоит главная трудность: многообразие хозяйственной деятельности заслоняет вопрос социальной сплоченности. Наличие финансирования, средние заработные платы — вот что представляет порой основной предмет анализа как основу принятия решений. Внутренний мир человека, его устремления, субъективная оценка действительности, а также бесконечно обновляющееся внутреннее бытие остаются без достаточного внимания⁴. В итоге духовная сфера исчезает из поля зрения и едва брезжит на фоне ярко горящих в информационном пространстве экономических показателей. Вот почему социальная действительность в ее целостном восприятии часто предстает перед наблюдателем искаженно.

Феноменологический и дискурсивный подход к проблеме ценностной сплоченности социума, то есть понимание состояния региона

⁴ См.: Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 105.

через концептуализацию субъективной иррациональной стороны посредством философских категорий — путь, который, на наш взгляд, может оказаться верным. Здесь иррациональность понимается как окрашенная эмоциями позиция выживания, с точки зрения опрошенных нами региональных экспертов. Систематизация взглядов очевидцев позволяет нарисовать более полную картину внутренней жизни региона. В каком-то смысле — победу Добра над Злом в ходе смутных времен. Однако региональная экспертная оценка есть частное в условиях активной и, можно сказать, агрессивной информационной среды. Она понимается лучше, если подходить к ней через поиск особенностей общего, заключенного в подходах к проблемам жизненных приоритетов идеологов глобального социума. Так, мнения носителей постмодернизма представляют собой как бы наброшенную на мировой политический ландшафт полупрозрачную ткань универсального многообразия. Рисунки ткани пестрят картинками потребительского благополучия, радостного наслаждения возможностями глобального мира. Таким образом, идея благополучия обернулась для нас идеей выживания. И сегодня, когда острые углы традиционных цивилизаций способствуют усилению борьбы за идентичность и готовности к столкновению, происходит разрыв красочного флёра, и становится очевидна реальная картина не состоявшегося глобального благополучия. Вначале мы стали свидетелями ссор вокруг климатических, экономических вопросов, а сегодня — военных столкновений.

Однако важно отметить, что любые формы современных столкновений цивилизаций таинственно облачаются в нравственно-этическую оболочку. И причину этого не трудно понять, ведь «ядром процессов глобализации выступает человек, его отношение к себе, природе и миру»⁵, а с человеком можно говорить только на его языке — языке ценностей. Запад и его идеологи, вначале преследуя коммерческую выгоду, а сегодня — ведя откровенно вероломную борьбу за мировое господство, демагогично продолжают говорить на языке нравственности. И этим подтверждается то, что в споре цивилизаций духовные противоречия всегда имеют ключевое значение, а все споры перерастают в глобальные социальные потрясения. Именно это

⁵ Орлов М.О. Управление процессами социализации в условиях глобализации. Саратов, 2011. С. 6.

и происходило и в наших регионах, и в душах людей, проживающих в них.

Социальные потрясения смутных времен порождают в душе индивида мощные переживания и фрустрацию, нарушая гармонию мира внутреннего бытия. Без гармонии этот целостный мир человека сужается, и он начинает искать для восстановления терапевтические пути — духовные практики. Хорошо если человек находит такие практики у близких ему в культурном отношении этнических групп со знакомой картиной цельного мира. Очевидно, что «повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира... Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реальности»⁶. Стремление восстановления целостности мировоззрения есть своего рода зов бытия, который сопряжен и с процессом дивинации, и с процессом ожидания встречи с чудом. Как итог — бесконечные перемены, которые продолжались в нашей стране уже десятилетия, наполнили нестабильную, тревожную жизнь отдельного человека чувствами разочарования и ожидания, а вместе с ними активизировали поиск пути к Богу.

И сегодня на фоне преодоления разочарования в современном общественном сознании происходит переоценка понятий «индивидуализм» и «коллективизм», где последний — неперемное условие гармонизации внутреннего бытия. Однако процесс переоценки продолжается. В масштабе региональных сообществ происходит переоценка и понятий «глобальное» — «региональное», «однополярное» — «многополярное». Все это обозначает новый этап и специфические культурные особенности эпохи — и «взаимодействие культур, вероятно, не ограничится стремлением к взаимопониманию и взаимоуважению, а будет порождать со временем новые системы отношений. Возможно, именно в процессе взаимной адаптации разных культурных миров возникнет основа для принципиально нового цикла развития цивилизации»⁷. То есть новый цикл взаимодействия цивилизаций, формирования новых идеалов начинается с России, пережившей в очередной раз сладостный обман западных магов.

⁶ Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 40.

⁷ Степин В.С. Новые ориентиры цивилизации // Экология и жизнь, 2000. № 4. С. 4—8.

Отметим, что идеалы символического европейца, сконцентрированные на индивидуализме и эгоизме, по существу, и есть кризис европейского человечества⁸, распространенный на пространство Евразии. Мы отчетливо видим и понимаем, что сегодня эти идеалы отвергаются, в том числе и российской цивилизацией, которая традиционно на генетическом уровне ориентирована на национальную самобытность в духе Логоса русской культуры⁹. Сегодня цивилизации Хартленда протестуют и не принимают навязываемую прозападную неокOLONиалистскую концепцию квазидемократических утопий. Этно-религиозные механизмы Евразии, исторически собранные из архетипических элементов, снова после наркоза англосаксонской магии возвращаются в лоно своих культур, восстанавливая состояние динамического равновесия.

Почему же этого возвращения не случилось в наших восточных регионах ранее? Как известно, православная традиция до революции была недостаточно укоренена на просторах российского Дальнего Востока, а в постперестроечные времена, при переходе от коммунизма к традиционным основаниям, она не смогла быстро и твердо встать на ноги. Тогда был промежуточный этап — господствовавшая идеологическая модель стихийно превратилась в модель конфессионального калейдоскопа. Это для людей пассионарного края послужило толчком к складыванию новых форм жизни, отражающих комбинацию прозападных, традиционно протестантских и сектантских моделей. Произошло соединение буржуазно-демократических идеалов, главным из которых стал отказ от церковной идеологии вкупе с пропагандой мирского образа жизни, с идеалами постнеклассического типа философствования, а также идеалами коммунизма, атеизма и идеалами открытого религиозного экстремизма. То есть на смену генеральной идее материального прогресса во имя общества пришли идеи выживания и личного обогащения.

По итогам тридцатилетия смутных времен мы видим, что среди дальневосточников на какое-то время утвердился идеологический микс: гражданская позиция, личная выгода, коммунистические аллюзии в сочетании с многообразием религиозности, криминальности,

⁸ См.: Гуссерль Э. Указ. соч. С. 104.

⁹ См.: Поповкин А.В. Логос русской культуры на берегах Тихого океана // Ойкумена. 2017. № 2. С. 116–122.

идеализма. В реальности — растворилась старая система упорядочения жизни, а на смену ей пришли политическая система народных трибунов, корпоративных групп и перманентный хаос. Если посмотреть на ситуацию объективно, то под декларирование краха метанарративов¹⁰ делалась попытка примирить иррациональное и рациональное, подсознательное и сознательное, но если копнуть глубже, то фактически мы увидим борьбу за финансовые потоки, влияние на ресурсы при поддержке внешних игроков.

Завершающим этапом смутных времен стало укрепление государственности, наступление периода формирования православного образования и возрождения религиозной жизни¹¹. Однако христианский идеал, сменивший коммунистический гуманизм, пока не затронул в полном объеме социальную организацию общества: эта организация существует пока в форме духовно-нравственных деклараций, прикрывающих корпоративное единство. Социалистические ценности пока не трансформированы в религиозные, но религиозное, хотя и в суррогатном виде, сегодня уже играет компенсаторную роль. Отметим, что бюрократические конструкции, как показывает практика, возродились наравне с другими институтами, но индивидуалистический характер социального все еще продолжает конфликтовать с идеалами коммунистическими и христианскими.

Важной стороной современного процесса развития социальной сплоченности, прямо влияющей на процесс социализации, является конфессиональное «суперразнообразие» и социальная многослойность, то есть противоречивое соотношение «гражданской и этнической идентичности, так как оно будет определять вектор будущего развития общества»¹². Для конкретного молодого человека открыто стоит вопрос: какого характера сплоченности он будет придерживаться в сложных жизненных ситуациях — этнической или в широком смысле социальной? При каком выборе он будет чувствовать себя более безопасно? Иначе говоря, сможет ли региональное

¹⁰ См.: Бубнов Е.С. Когнитивная эмпатия и рациональные реконструкции истории науки // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 143–149.

¹¹ См.: Поповкина Г.С. Религиозное образование на юге Дальнего Востока России в постсоветский период // Образование и наука. Т. 19. № 9. 2017. С. 144–163.

¹² Черепанова М.И., Неваева Д.А., Шеглова Д.К., Сарыглар С.А. Этнокультурная идентичность населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8–1. С. 117–121.

сообщество стать приоритетным по отношению к этническим группам и как сложившиеся различия можно гармонизировать. В этой связи следует обратить внимание на автономию социализированного индивида, обладающего своим жизненным миром и действующего достаточно самостоятельно, а также учесть и автономию группы, независимой в рамках диалогового процесса¹³. И индивид, и группа ориентированы на достижение взаимопонимания по жизненно важным проблемам, и одновременно, учитывая антропологическую потребность индивидов, они ориентированы на взаимовлияние друг на друга. Это говорит о том, что процесс формирования устойчивого равновесия в социальной сфере продолжается.

Отметим еще одну антропологическую потребность индивида — потребность в ценностных идеалах, которые в цивилизационном смысле устойчивы. Оказываясь в хаотичном мировоззренческом пространстве, индивид теряет свои защитные свойства, и проникновение в его ценностный мир посредством агрессивного воздействия становится более доступным. В этой ситуации социальные группы также доступны ценностным интервенциям. Таким образом, следует признать, что всё разнообразие социальных групп реализует свои цели в узких коридорах заданного дискурса, связанного с «внешними по отношению к нему факторами, наличествующими в социальной динамике»¹⁴. Стремительный поток социальных изменений в рамках группы регулируется духовно-нравственными диспозициями, что увеличивает спектр временных характеристик социального мира. Социальная динамика оказывает прямое воздействие на каждую личность и социальную группу, а также на процедуру выработки решений, а значит, в условиях нестабильности создается риск дезинтеграции регионального сообщества и изменения поведенческих стратегий молодежи.

В недалеком прошлом тонкостям процесса интеграции общества уделялось соответствующее внимание, и сплоченность достигалась множеством путей, например, посредством общегосударственных праздников и мероприятий, то есть общезначимыми для всего наро-

¹³ См.: Тетюев Л.И. Идея коммуникативного разума в социальной философии Юргена Хабермаса // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 3. С. 70–76.

¹⁴ Орлов М.О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Серия «Философия. Психология. Педагогика». Вып. 2. С. 55.

да событиями. Сегодня мы переживаем момент истины: Специальная военная операция стала переломным историческим событием по отношению к перечисленным выше атавизмам 90-х годов. Реально СВО разделила российское общество на «до» и «после» и на деле приглушила прежние подходы к жизни. В общественном сознании происходят грандиозные перемены, сметающие такие явления, как либерализм, анархизм, консьюмеризм, разновекторность политики. Экзистенциальная угроза отбросила сформированные под влиянием Запада негативные явления. В то же время само это событие породило во многих головах культурный шок, противостояние, подогреваемое различными дискурсивными практиками.

Дискурс — это речевая деятельность по производству социально значимых и эмоционально окрашенных смыслов, в рамках которой координируются и направляются посредством коммуникации установки социальных групп, то есть дискурс есть соподчинение ценностных позиций через диалог. Понятие «дискурсивное управление» шире и предполагает целенаправленное стремление к консенсусу; но сегодня происходит активное давление через информационную среду на общественное сознание, в нашем случае — региональных сообществ. Очевидно, дискурсивное управление стало политическим инструментом трансформации общества и политических укладов. В этой связи процедура масштабного подчинения как «основа всякого коммуникативного взаимопонимания, в определенной мере сродни непринужденной, объединяющей, рождающей консенсус силе аргументирующей речи»¹⁵ стала еще и религиозным по стилю и агрессивным по содержанию давлением на личность и социальные группы.

Неоколониализм как крайняя форма информационного давления трансформировал глобальные СМИ в оружие господства посредством масштабных информационных акций. Заветное для Запада слово «гегемония» стало сакральным, а через многообразие воздействия приобрело по своему содержанию гипертрофированный характер. Неоколониальные атавизмы прошлого, до времени скрытые под фальшпанелями «демократия» и «свобода слова», ярко проявляются в условиях СВО. Правила игры постоянно меняются, наращиваются

¹⁵ Habermas J. Der Philosophische Diskurs der Moderne. B. Suhrkamp Verlag, 1985. S. 191–195, 234–242.

объем и качество вооружения. По мнению многих политологов, можно констатировать, что безобидный постмодернизм и либерализм перерастают в Третью мировую войну. На практике идет ожесточенная война за культурно-образовательное пространство регионов. Возможность достичь консенсуса¹⁶ даже на словах сокращается с каждым днем. Социология стала инструментом манипулирования массами.

Основатель социологии Огюст Конт так же, как Юрген Хабермас с его концепцией публичной сферы, в свое время предполагал, что высокие идеи социальной гармонии будут реализованы через ответственных граждан. Он считал таких граждан способными регулировать интересы в обществе, а массы ориентировать на идею позитивного развития социума и гармонию социального развития. Цель таких ответственных людей — облагораживание действительности, где частное и общественное сольются воедино¹⁷. Однако ученые-идеалисты не могли предположить, что благими пожеланиями будет выстелена дорога в ад, а жажда власти транснациональных компаний будет делать немыслимое — культивировать через PR-технологии негативные нравы и разрушительные тенденции. Более того, мировые религии испытывают небывалое давление со стороны организаторов корпорации крупнейших западных компаний, насаждающих идеологию сатанизма.

Действуя через социальные сети, разработчики контента информационных технологий организуют общение по правилам навязанного консенсуса, нарушая посредством манипулирования суверенитет отдельной личности. В дело вступают дискурсивные технологии, представляющие собой конституирование повседневных практик, где правила и нормы приобретают характер негативных ориентиров. Злоупотребление сакральностью общения покрывается эвфемизмами, построенными на основе синтеза религиозного и образовательного. Этим приемом разрушается граница реальности, привлекая молодого человека в пространство виртуального дурмана.

Для контроля ситуации в киберпространстве, как известно, требуются экспресс-анализ актуальных дискурсов и механизмов изло-

¹⁶ См.: Тетюев Л.И. Трансцендентальная философия: современный проект. Саратов, 2001. С. 78–106.

¹⁷ См.: Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 3. М., 1971. С. 554.

жения информации, дешифровка иносказательных моделей, контент-анализ языковой коммуникации. Это связано с тем, что ориентир на стратегические задачи развития региона в постсекулярную эпоху связан с идеологическим и духовно-нравственным противостоянием. В основе духовно-нравственного противостояния всегда находятся противоречия управленческих элит, действующих по направлениям близких им теологических смыслов и постигающих мир в духе сакрально-когнитивных комплексов¹⁸. Такой поворот в управлении говорит о придании политике религиозного смысла, а религии — политического. Сегодня, в ситуации нравственного выбора, трудно принять правильное решение в духе согласия со средой, и выбор становится по существу экзистенциальным не только для этнической или религиозной группы, но и для общества в целом. Устойчивое в цифровую эпоху развитие региона диктует новый стиль работы с молодежью.

Таким образом, духовно-нравственная основа развития регионов все более тесно увязывается с традициями национальной культуры, сфокусированными на поддержании архетипического фундамента российского социума. Реальная угроза культурным кодам, будущему развитию региона как части российской цивилизации требует подчеркнутого внимания к новым формам сближения этнических и религиозных групп и выстраивания качественно нового социокультурного пространства, базирующегося на традиционных ценностях и технологических реалиях сегодняшнего мира.

Сциллой и Харибдой сегодняшнего дня является преодоление ряда противоречивых обстоятельств. К ним относятся потребности российских регионов в интенсивном социально-экономическом развитии и духовно-нравственные проблемы строительства новой социокультурной реальности, последствия тридцатилетнего периода противоречивых реформ и выстраивание гуманитарных оснований нового общества — общества перехода от секулярного к постсекулярному миру, массивная ценностная интервенция в региональный социум и сохранение открытости страны в эпоху цифровизации.

Российское общество нуждается в укреплении социального иммунитета и предотвращении трансформации регионов в полигоны

¹⁸ См.: Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. М., 1988.

религиозно-культурного противостояния. Это особенно заметно на примере приграничных регионов, развивающихся в сложном окружении иных цивилизаций. Важно достичь нового уровня социальной сплоченности, а следовательно, и нового качества процесса социализации. В целом необходимы качественно новые управленческие решения, построенные на комплексном подходе, в котором духовно-нравственный аспект становится ведущим. Важно понимать, что, говоря о ценностной оболочке личности, мы должны помнить о временных параметрах изменения ее природы, изменить которую невозможно моментально. Православная цивилизация, а вместе с ней и православная культура в результате радикальных перемен начала XX века все еще находятся в состоянии поиска нового состояния динамического равновесия.

Выделим, что в интересах социальной сплоченности важнейшей управленческой задачей дальневосточных регионов, требующей безотлагательного решения, является задача социальной мобильности. Сегодняшнее же состояние говорит об отсутствии индивидуального подхода, а значит, и отсутствии глубокого изучения содержательной части процесса социализации, так как «современное общество характеризуется не только увеличением конфессионального многообразия, но и его трансформацией. Скорость распространения религиозных ценностей значительно увеличилась благодаря миграционным процессам»¹⁹. Эффективная модель социальной сплоченности призвана укреплять идентичность, исключать односторонний прагматический стиль управления. Нельзя не упомянуть в этой связи и о необходимости системного мониторинга киберпространства, а также повышении религиозоведческой квалификации управленческих кадров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. 40 с.
2. Бубнов Е. С. Когнитивная эмпатия и рациональные реконструкции истории науки // Вопросы философии, 2019. № 7. С. 143–149.

¹⁹ Федирко О.П., Владимирова В.А. Религиозное неравенство на Дальнем Востоке России через призму судебной практики (2016–2019) // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7–4 (109). С. 192–197.

3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101–116.
4. Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихоокеанская Россия между двумя глобальными кризисами. Владивосток: ИП Шульга В. Б., 2022. 456 с.
5. Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 3. М., 1971. С. 553–580.
6. Ларин В. Л. Востоковедение в институте истории: конструирование своего пути // Труды Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2021. Т. 30. № 1. С. 38–95.
7. Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. 256 с.
8. Орлов М. О. Управление процессами социализации в условиях глобализации / М. О. Орлов, А. А. Дьяков, Д. М. Соколова; под ред. д-ра филос. наук, проф. М. О. Орлова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 272 с.
9. Орлов М. О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Серия «Философия. Психология. Педагогика». Вып. 2. С. 55–59.
10. Поповкин А. В. Логос русской культуры на берегах Тихого океана // Ойкумена. 2017. № 2. С. 116–122.
11. Поповкина Г. С. Религиозное образование на юге Дальнего Востока России в постсоветский период // Образование и наука. Т. 19. № 9. 2017. С. 144–163.
12. Путин В. В. Совещание по вопросам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 23.02.2023). Загл. с экрана. Яз. рус.
13. Степин В. С. Новые ориентиры цивилизации // Экология и жизнь. 2000. № 4. С. 4–8.
14. Тетюев Л. И., Тетюев Л. И. Идея коммуникативного разума в социальной философии Юргена Хабермаса // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 3. С. 70–76.
15. Тетюев Л. И. Трансцендентальная философия: современный проект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. С. 78–106.
16. Федирко О. П., Владимирова В. А. Религиозное неравенство на Дальнем Востоке России через призму судебной практики (2016–2019) // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7–4 (109). С. 192–197.

17. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К., Сарыглар С. А. Этнокультурная идентичность населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8–1. С. 117–121.
18. Habermas J. Der Philosophische Diskurs der Moderne. В.: Suhrkamp Verlag, 1985. 449 s.

*Статья поступила в редакцию 25.01.2023,
одобрена после рецензирования 21.02.2023,
принята к публикации 15.05.2023.*

Article

UDC [316.7+130.2](470+571)

For citation:

Ruchin V. Regionalnoye razvitiye v postsekulyarnuyu epokhu: dukhovno-nravstvennyy aspekt [Regional development in the post-secular era: spiritual and moral aspect] // Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2023. No 2 (21). pp. 71–86.
DOI: 10.56621/27825884_2023_21_71

Vladimir Ruchin,

Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy of Culture and Culturology,
Saratov State University,
10A Volskaya str., Saratov,
410028, Russian Federation
r-vl@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2638-3057

Regional development in the post-secular era: spiritual and moral aspect

V. RUCHIN

Abstract: The article deals with the process of socialization within local communities. An attempt is made to identify and minimize the main risks of the socialization model. For our country, the mechanism of the cultural failure of the beginning of the 20th century still causes painful symptoms of the recovery of public consciousness in the present-day post-secular era; therefore, the anamnesis of emerging worldview disorders has the existential significance. This is especially important in conditions when pro-Western religiosity of an unprecedentedly wide spectrum is turning into a powerful force and a political tool that deforms values of the younger generation. The study is carried out taking into account the ethno-religious mosaic and is aimed at finding social cohesion as a condition for regional development. The author, through philosophical and sociological analysis, concludes that the

spiritual and moral sphere has special significance for the development of the Russian society.

Keywords: post-secular world, socialization, value intervention, spiritual culture.

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project № 20-311-70023 "Religious socialization in the post-secular world: discursive practices and sociocultural risks".

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. (1995) "Konstruirovaniye sotsial'noy real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya" [The Construction of Social Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow. (in Russian).
2. Bubnov E.S. (2019) "Kognitivnaya empatiya i ratsional'nyye rekonstruktsii istorii nauki" [Cognitive empathy and rational reconstructions of the history of science] // "Voprosy filosofii" [Questions of Philosophy]. No. 7. pp. 143–149. (in Russian).
3. Cherepanova M.I., Nevaeva D.A., Shcheglova D.K., Saryglar S.A. (2016) "Etnokul'turnaya identichnost' naseleniya Altayskogo kraya" [Ethnocultural identity of the population of the Altai Territory] // "Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovaniye, tvorchestvo" [Sociology in the modern world: science, education, creativity]. No 8–1. pp. 117–121. (in Russian).
4. Comte O. (1971) "Kurs pozitivnoy filosofii" [A Course in Positive Philosophy] // "Antologiya mirovoy filosofii" [Anthology of World Philosophy]. In 4 volumes. Vol. 3. Moscow. pp. 553–580. (in Russian).
5. Fedirko O.P., Vladimirova V.A. (2021) "Religioznoye neravenstvo na Dal'nem Vostoke Rossii cherez prizmu sudebnoy praktiki (2016–2019)" [Religious inequality in the Russian Far East through the prism of judicial practice (2016–2019)] // "Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal" [International Scientific Research Journal]. No. 7–4 (109). pp. 192–197. (in Russian).
6. Habermas J. (1985) Der Philosophische Diskurs der Moderne [The philosophical discourse of modernity]. Berlin. (in German).
7. Husserl E. (1986) "Krizis yevropeyskogo chelovechestva i filosofiya" [The Crisis of European Mankind and Philosophy] // "Voprosy filosofii" [Questions of Philosophy]. No. 3. pp. 101–116. (in Russian).
8. Larin V.L. (2021) "Vostokovedeniye v institute istorii: konstruirovaniye svoego puti" [Oriental Studies at the Institute of History: Designing

- Your Way] // "Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk" [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 30. No. 1. pp. 38–95. (in Russian).
9. Ogurtsov A.P. (1988) "Distsiplinarnaya struktura nauki. Yeye genesis i obosnovaniye" [Disciplinary structure of science. Its genesis and justification]. Moscow. (in Russian).
 10. Orlov M.O. (2011) "Upravleniye protsessami sotsializatsii v usloviyakh globalizatsii" [Management of socialization processes in the context of globalization], Saratov. (in Russian).
 11. Orlov M.O. (2012) "Etika diskursa kak osnova strategiy sotsializatsii v globaliziruyushchemsya mire" [Ethics of discourse as a basis for socialization strategies in a globalizing world] // "Izvestiya Saratovskogo universiteta" [Bulletin of the Saratov University]. Vol. 12. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. Iss. 2. pp. 55–59. (in Russian).
 12. Popovkin A.V. (2017) "Logos russkoy kul'tury na beregakh Tikhogo okeana" [Logos of Russian culture on the shores of the Pacific Ocean] // "Oykumena" [Oikumena]. No. 2. pp. 116–122. (in Russian).
 13. Popovkina G.S. (2017) "Religioznoye obrazovaniye na yuge Dal'nego Vostoka Rossii v postsovetkiy period" [Religious Education in the South of the Russian Far East in the Post-Soviet Period] // "Obrazovaniye i nauka" [Education and Science]. Vol. 19. No. 9. pp. 144–163. (in Russian).
 14. Stepin V.S. (2000) "Novyye oriyentiry tsivilizatsii" [New Landmarks of Civilization] // "Ekologiya i zhizn'" [Ecology and Life]. No. 4. pp. 4–8. (in Russian).
 15. Tetyuev L.I. (2010) "Ideya kommunikativnogo razuma v sotsial'noy filosofii Yurgena Khabermasa" [The idea of communicative reason in the social philosophy of Jürgen Habermas] // "Povolzhskiy torgovo-ekonomicheskij zhurnal" [Volga trade and economic journal]. No. 3. pp. 70–76. (in Russian).
 16. Tetyuev L.I. (2001) "Transtsendental'naya filosofiya: sovremennyy proyekt" [Transcendental Philosophy: A Contemporary Project]. Saratov. pp. 78–106. (in Russian).

*The article was submitted 25.01.2023,
approved after reviewing 21.02.2023,
accepted for publication 15.05.2023.*